

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Стендаль

**О любви
Дневники**

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
С79

*Перевод с французского Марии Левберг,
Петра Губера, Деборы Лившиц*

Стендаль

С79 О любви. Дневники / Стендаль; [пер. с франц. М. Левберг, П. Губер, Д. Лившиц]. – М. : Агентство ФТМ / RUGRAM, 2021. – 696 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74762-7

Трактат Стендаля «О любви» сначала не имел успеха, по мнению читателей книга была написана трудным для восприятия языком, да и мысли автора слишком сложны, а чувства не всегда понятны. Действительно, в своём произведении Стендаль попробовал совместить точность научного исследования с эмоциональным повествованием о чувстве, которое по сути не поддаётся рациональному анализу.

Несомненно одно: признанный мировым шедевром психологической прозы тракт «О любви» основан на собственных наблюдениях и размышлениях автора и на его дневниках, которые он вёл с 1801 по 1811 годы. Его дневники нельзя считать только лишь воспоминаниями, в большей мере перед читателем разворачивается психологический анализ отношений и поведения мужчин и женщин, проведённый Стендалем, благодаря которому на свет появились такие романы как «Красное и чёрное» или «Пармская обитель».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

BIC FC
BISAC FIC00000

© Т8 RUGRAM, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74762-7

© Д. Г. Лившиц, перевод, наследники, 2021

О ЛЮБВИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я прошу у читателя снисхождения к необычной форме этой «Физиологии любви».

Вот уже двадцать восемь лет, как потрясающие перемены, последовавшие за падением Наполеона, лишили меня моего положения. Двумя годами раньше, тотчас же после ужасов отступления из России, случай забросил меня в прелестный город, где я твердо рассчитывал провести остаток своих дней, что казалось мне восхитительным. В счастливой Ломбардии, в Милане, в Венеции наслаждение — главнейшее или, вернее оказать, единственное занятие в жизни. Ни малейшего внимания к делам или поведению соседей: люди почти не заботятся о том, что происходит с другими. Если они замечают существование соседей, то им и в голову не приходит ненавидеть их. Вычеркните зависть из жизни французского провинциального города. Что останется? Отсутствие, невозможность жестокой зависти составляет несомненный элемент счастья, влекущего в Париж всех провинциалов.

В связи с маскарадами карнавала 1820 года, более блестящими, чем обычно, на глазах миланского общества разыгралось пять или шесть совершенно безумных сцен; хотя в этой стране и привыкли к вещам, которые

показались бы совершенно невероятными во Франции, ими все же занимались целый месяц. Боязнь смешного сделала бы у нас невозможными столь странные поступки: мне нужна большая смелость, чтобы дерзнуть хотя бы только заговорить о них.

Однажды вечером, в то время как следствия и причины наших сумасбродств подвергались глубокому обсуждению в салоне очаровательной г-жи Пьетрагрун, которая, вопреки обыкновению, не была замешана ни в одном из обсуждавшихся безумств, мне вдруг пришло в голову, что меньше, чем через год, пожалуй, у меня сохранится лишь очень смутное воспоминание об этих странных событиях и причинах, которыми их объясняли. Я схватил программу какого-то концерта и набросал на ней несколько слов карандашом. Затеяли игру в *фараон*; нас собралось тридцать человек вокруг зеленого стола, но разговор стал настолько оживленным, что мы забыли об игре. К концу вечера пришел полковник Скотти, один из самых привлекательных людей в итальянской армии; к нему обратились за его долей сведений относительно странных фактов, интересовавших нас; и вот он рассказал нам вещи, о которых узнал по воле случая и которые придавали этим фактам совершенно новое освещение. Я опять взял программу концерта и записал эти новые подробности.

Это собирание особенностей из области любви я продолжал тем же способом и дальше, записывая их карандашом на клочках бумаги, попадавших мне в гостиных, где при мне рассказывали всякие случаи из жизни. Вскоре я приступил к поискам какого-нибудь общего закона для установления различных стадий

любви. Два месяца спустя, боясь, что меня примут за *карбонария*, я вернулся в Париж — всего, как я думал, на несколько месяцев; но мне никогда больше не суждено было увидеть Милан, где я провел семь лет.

В Париже я умирал от скуки. Мне пришло в голову вновь заняться прелестной страной, из которой меня изгнал страх; я собрал в одну пачку мои листки и подарил тетрадь одному книгопродавцу. Однако вскоре возникло затруднение; типограф заявил, что невозможно набирать заметки, набросанные карандашом. Я отлично понял, что печатание такого рода рукописи кажется ему ниже его достоинства. Юный типографский подмастерье, вернувший мне мои заметки, был, по-видимому, весьма пристыжен неприятным поручением, которое на него возложили; он умел писать; я продиктовал ему свои заметки, сделанные карандашом.

Я понял также, что скромность вменяет мне в обязанность изменить собственные имена и в особенности сократить рассказы. Хотя в Милане читать и не принято, эта книга, если бы ее завезли туда, могла бы показаться чудовищно злой.

Итак, я опубликовал эту злосчастную книгу. Беру на себя смелость признаться, что в то время я имел дерзость презирать изящный стиль. Я видел, что юный подмастерье весьма тщательно избегал недостаточно звучных окончаний фраз и слов, образующих неприятные звукосочетания. С другой стороны, он не стеснялся при всяком удобном случае изменять подробности событий, с трудом поддающихся изложению: сам Вольтер боится того, что трудно выразить.

В «Опыте о любви» могло представлять ценность только множество оттенков чувств, правдивость которых я просил читателя проверить по воспоминаниям, если ему посчастливилось испытать такие чувства. Но случилось нечто гораздо худшее: в те времена, как и всегда, я был весьма неопытен в литературных делах; книгопродавец, которому я подарил рукопись, издал ее на скверной бумаге и нелепым форматом. А через месяц, когда я опросил его о судьбе книги, он объявил мне: «Она словно заколдована: никто к ней не прикасается».

Мне даже не пришло в голову хлопотать об отзывах в газетах; такая вещь показалась бы мне низостью. Между тем ни одно сочинение не испытывало более настоящей нужды в рекомендации терпеливому читателю. Под угрозой показаться непонятным с первых же страниц, необходимо было убедить публику принять новое слово *кристаллизация*, предложенное мною с целью образно определить ту совокупность странных фантазий, которые представляются правдивыми и даже не подлежащими сомнению относительно любимого существа.

В ту пору, будучи под обаянием мелких подробностей, которые я недавно еще наблюдал в обожаемой мною Италии, совершенно влюбленный в них, я тщательно избегал каких-либо уступок, какой-либо закругленности стиля, способных сделать «Опыт о любви» менее экстравагантным в глазах литераторов.

К тому же я не льстил публике; то было время, когда у литературы, подавленной столь великими и столь недавними несчастьями, не было, казалось, иного заня-

тия, как утешать наше страдающее тщеславие; она рифмовала «воитель» и «победитель», «бой» и «герой» и т. д. Скудная литература этой эпохи как будто ничуть не стремилась изобразить истинные обстоятельства событий, которые она бралась описывать; ей нужен был только предлог для восхваления нации, рабски преданной моде, нации, которую некий великий человек назвал великой, забыв, что она была великой лишь тогда, когда он был ее вождем.

Не зная условий, нужных хотя бы для самого скромного успеха, с 1822 до 1833 года я нашел только семнадцать читателей, а за двадцать лет своего существования «Опыт о любви» был понят в лучшем случае сотней любознательных людей. У некоторых хватило терпения понаблюдать различные стадии этой болезни у окружающих, ибо, чтобы попать страсть, которая вот уже тридцать лет столь тщательно прячется у нас из боязни показаться смешной, нужно говорить о ней, как о болезни; таким путем можно добиться иногда ее излечения.

Действительно, только после полувека переворотов, которые поочередно завладевали всем нашим вниманием, действительно, только после пяти коренных перемен в формах и устремлениях наших правительств революция начинает понемногу внедряться в наши нравы. Любовь — или то, что наиболее часто заменяет ее, присваивая ее имя, — была всемогуща во Франции при Людовике XV: придворные дамы производили в чин полковника, а чин этот был самым завидным в королевстве. Прошло пятьдесят лет, двора уж нет, и самые влиятельные женщины господствующей буржуа-